

18+

А. Гасанов

Ну, а чё вы хотите?..

Сборник рассказов №15

А. Гасанов
Ну, а чё вы хотите?..
Сборник рассказов № 15

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23578123
ISBN 9785448500732

Аннотация

Очередной выпуск небольших рассказов – из жизни, про жизнь и за жизнь. Неплохое чтение для поездки в поезде или в самолёте. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

А что вы хотите?..	5
Изюм	9
Такая вот история	12
Снег	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ну, а чё вы хотите?..

Сборник рассказов № 15

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-0073-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А что вы хотите?..

... – Ну, а что вы хотите?, – девушка округлила ротик, не выпуская яйца Перца из рук, – Если вы хотите, чтобы ваш пёс жил долго и не болел – кормите его правильно!.. А вы как думали?

С собаченцией я пришёл на очередную прививку, и Перца поставили на смотровой столик, и осматривают внимательно, и называют «Солдат!», потому как Перец стойко принимает осмотр, удивляясь, как ловко и по-хозяйски его ощупывают, не пропуская интимных мест.

... – Конечно – очень важно кормить собаку правильно! Конечно!.., – тараторит красавица Танюша, холку осмотрела, лапы подёргала по-очереди, – Вот, молодец!..

Каждый осмотр начинается и заканчивается в одном направлении. Нам-дуракам объясняют терпеливо: Чтобы мой пёс жил счастливо и полноценно, а не сдох прямо тут в муках и в конвульсиях – нам нужно купить сухой корм, который стоит тут же под столиком в здоровенных пахучих мешках. Чё-то там про «Роял»...

... – А вы как думали? Тут и минералы, и витамины. Все нормальные собачники, которые любят своих собачек, покупают нормальный корм!

Слово «нормальный» Танечка произносит, поднимая бровки, с таким видом, будто я Перца кормлю его же какаш-

ками:

– Да, это не очень дёшево, но, по крайней мере, вы будете иметь гарантию, что ваша собака не будет болеть, и будет развиваться нормально...

Пока она делает прививку, она успевает рассказать о всех преимуществах «Рояла», зачитывая наизусть, и я виновато отвечаю на её короткие вопросы:

– Кашку... И сердечки туда... Куриные... Или печень... Накрошу... Варёную... Супчик жена варит ему...

– Вот видите?... Вот видите?.., – Танечка с готовностью подтверждает, словно я признался в мерзком преступлении, – А в нашем корме – и минералы и витамины! А, В, С и Е! Все, которые необходимы вашей собаке!.. А стул у него какой?..

И мы собираемся, пристыженно выслушивая в который раз одно и то же:

– Сначала нужно понемногу собаку приучать. Постепенно переводить на сухой корм. Могут быть и аллергия и рвота даже!.. И собака может даже отказываться его есть. Но нужно понемногу добавлять, и постепенно, за пару недель, можно полностью перейти на сухой корм. Бывает даже что шерсть начнёт сыпаться или стул пойдёт плохой... Понос там, или запор. Но это ничего! Постепенно приучаете, и собака полностью переходит на сухой нормальный корм. Вот увидите!

– А если не «переходить»?.., – робко пискну я-зануда, бочком ретируясь к двери.

– Хм..., – Танечка аж краснеет от такой моей дремучести, и смеётся, – Вот вы, например, хотите чтобы собака жила долго? Хотите?.. Сколько бы вы хотели, чтобы прожил ваш Перчик? Вот сколько?..

«Лет сорок – сорок пять...», – чуть не выдаю я, но обижать девушку мне не хочется. Я понимаю, что от неё требуют продаж, и её зарплата напрямую зависит от того, сколько этого «Рояля» она продаст нам, невежам. И мы в который раз обещаем «подумать», и пристыженно уходим, извиняясь и благодаря.

А действительно? Сколько он проживёт, сволочь, интересно?..

Я уже дедушка старенький. Через шесть лет полтинник разменяю. А собаченция проживёт лет 15, наверное... Это мне будет уже к шестидесяти... А ведь бывает, что они живут и двадцать лет, и больше... Это мне уже будет...

Охренеть можно.

А шо вы хотите? Перец запросто может пережить и меня. Если «Роялем» его. А чё? Запросто! На минералах-то! Да раз плюнуть!.. Лет пийсят вот так!..

И с такими мыслями мы задумчиво шуруем покакать на пустырь. И потом я несу его какашку в пакетике до урны...

На минералах-то!.. Да нефиг делать!.. Хм... Когда так уговаривают... Держа за яйца...

Изюм

Мне всегда везло на рассказчиков.

И это ведь прекрасно, когда собеседник ваш владеет таким даром, что рядом с ним интересно находиться.

Мне говорят:

– Просто ты умудряешься выхватывать именно тот изюм, который и придаёт истории шарм.

А как тут не выхватывать, когда изюму целый мешок рассыпан вокруг меня.

... – Вчера телек смотрим сидим, выпили уже, гляжу – певица какая-то полуголая запела. Губищами хлопает. Смотрю на её губы, и вспоминаю, надо бы не забыть электровафельницу починить... Жена задолбала с этой вафельницей...

Колян, дружбан мой лепший, иной раз так скажет, как в лужу пёрнет, ей-богу.

... – Санька прицепился недавно – пошли ко мне! Он мне пять тыщ должен уже второй год. Всё ни как не отдаст. И всю дорогу в гости зовёт. Вину загладить. Я говорю, ну пошли. Приходим – Санёк стол накрыл, бегаёт радуется: дома никого, закусон хороший, никто не мешает. Пельмени выставил, водку тащит. Смотрю – а водка ярко-голубая. В графинчике. Сидим, пьём. На Машу Распутину смотрим. Культурно сидим. Про вафельницу советуемся. Пельмени, то да сё. Водка голубая. Под дорогой алкоголь и говорится по-другому.

Это ж не портвейн в гараже сосать с горла! Сидим, разговоры разговариваем... Почти всю бутылку уговорили, короче, а я всё не решаюсь спросит: шо за водка такая, Саш? Не охота в грязь лицом... Мол, и водки-то порядочной я не пробовал... Невежество... Потом уже на балкон вышли, курим стоим, я и говорю:

– Ох, и хороший вид у тебя с балкона, Саня. Ох, и хорошо-то как!.. Красота...

А вид с Саниного балкона действительно потрясающий. Даже в трезвом виде. Четырнадцатый этаж. Чёрти куда видеть. Небо, облака, Волга и чуток песочного обрыва, и сосны на самом краю. Солнышко заходит с краю. Зарево слезится. Кроме природы ни чего не видно. Ни асфальта, ни машин. Только даль российская. Аж слеза...

– Хороша водка..., – осторожно вставляю, – А чё за водка-то, Сань?

Водка-то не в бутылке, а в графине. И у Коляна моего, мол, вполне законное право не узнать сразу напиток на глаз-то.

А Саша сплёвывает задумчиво вниз голубой харчок:

– Да Ромка в неё пасту надул.

– Чего?

– Да Ромка, блин...

И рассказывает Саня, что его сынок Ромка-первоклассник какого-то хрена играл на кухне, и сунул в графин ручку шариковую, и водка окрасилась синим цветом из-за этого.

– Ну это ни чё страшного, – продолжает Саня-сука, – Всем микробам в водке кранты. Разве что продрыщешься...

Постояли ещё потом. Помолчали, глядя на закат. А Колян на вкус причмокивает, теперь явно чувствуя во рту горьковатый вкус пасты.

... – Представляешь? «Ромка!», бляха муха...

Я беззвучно укатываюсь, стараясь не обидеть старика, а Колян всё ворчит:

– «Ромка!»... Не мог сразу предупредить, сука такая... Два дня у меня язык был фиолетовый, как у шарпея. Жена говорит – допился, идиот, до синих языков... Как ей, дуре, объяснить, что у Сани Ромка пасту в водку надул?..

Такая вот история

Всё ни как не соберусь написать об одном периоде своей жизни, занимавшем мои мысли очень долго. Начинаю забывать уже. А тогда, помню, очень даже испугался.

...Я только закончил школу и ждал призыва в армию, попутно устроившись на завод, и отдав документы в институт. А чего ещё делать-то? Все мои сверстники так поступали, и я туда же.

И вот как-то я заметил за собой странную особенность. Тут немного отступлю...

Человек я, как многие считают, не глупый, но со своим прибабахом. И прибабах мой заключается в упрямом неверии во всякие чудеса и в мистику вообще.

Нет, я согласен, конечно же, что в природе есть масса необъяснимого и непонятного, и сам я уже сталкивался с удивительными событиями, происхождение которых вводят мою логику в ступор. Тем не менее, я совершенно не принимаю всякие версии и домыслы, пока сам лично не увижу и не потрогаю. Что-то похожее на агностицизм. Я очень вежливо вас выслушаю про «тарелку» в небе, покиваю головой, но поверить – фигурки. Я же этого не видел! Да и объяснить, предположить – у меня фантазии хватает. На худой конец галлюцинации – вполне объяснимый медицинский факт.

На них можно списать всё, что угодно. И если сейчас, к примеру, между мной и клавиатурой пролетит синий воробей в белых стрингах, и покажет мне язык, я совершенно спокойно объясню себе, что этого либо не было, либо мне это показалось. А тут...

...Работал у нас хороший дядька со смешной фамилией – Валетов.

Здоровенный, высокий красавец под сорок лет. Балагур, любимец женщин. Везде ему рады, везде он «на коне». И мужики уважают, и начальство ему улыбается. «Кровь с молоком» говорят про таких. Лапы, как у медведя. На улице гололёд, а он курточку на распахку, идёт, всё ему ни по чём. Не курит, кстати! Ах, девки ему вслед смотрели, вдруг повернётся, сразу ручкой машут, смеются весело... И вот прихожу я утром в цех, а мужики в курилке сидят тихохонько... Говорят, что Валетов умер.

– Как «умер»?!, – кто ни подойдёт, все останавливаются, будто лбом в стекло, – Валетов – умер?... – и глядят, как баран на новые ролставни. Переспрашивают сурово так, что, мол, за такие шуточки и по морде схлопотать можно, дядя.

А мужики вздыхают... Задумались, сидят молча...

И ещё долго, помню, кто-то помолчит-помолчит, да и нервно засмеётся, не веря самому себе:

– Ах-ри-не-е-еть... Валетов умер...

И я тоже сидел рядышком, помалкивал и вспоминал, как и все.

Мужики шептались:

– Вчера, б-блин... Вот... (поискал возмущённо взглядом) тут только... Ах-ри-не-е...

А я вспомнил, как действительно вчера, абсолютно здоровый и весёлый Валетов сидел с нами в столовой, шутил и смеялся. Несмотря на свои богатырские размеры, ел он аккуратно и вел себя всегда деликатно. Не признавал ругани, и другим делал замечания по этому поводу. А улыбка с лица его никогда не сходила, потому что со всех сторон ему всё время кричали:

– Виктор! Здоров!.. Вить!..

И он улыбался мягко, и кивал. И ему смеялись:

– Виктор Фёдорович! Как оно ничего?..

И опять кивок и улыбка.

И тогда я посмотрел на Валетова почему-то пристально и... не смог оторвать взгляда.

Совершенно отчётливо я видел, как задумавшийся Валетов стал медленно блекнуть, с лица его сошёл румянец, кожа стала серо-зелёной, сухой и тонкой, глаза застыли и заслезинились...

Вы, наверное, испытывали уже такое, когда в плохом освещении уставшие ваши глаза вдруг теряют резкость, и предметы начинают плыть или двоиться? Вот, примерно, так же.

Я проморгался, встряхнулся, и всё стало как обычно.

...Событию этому я не придавал особого значения, находя его странным совпадением, но через несколько дней возле

своего дома я случайно наблюдал, как «Скорая» забирает на носилках бабульку-соседку.

И её лицо, так же, как и лицо Валетова, серело на моих глазах, увядая цветом в неестественный свинцовый оттенок.

Потом в доме были похороны, а я наблюдал из окна, размышляя, чего это со мною такое происходит? Мысли мои пацанячие метались из крайности в крайность, и неминуемо привели в постыдный восторг.

– Ни фига себе..., – думал я, краснея в душе от дурацкой фантазии на тему «... зн-намени-итый на весь мир предсказатель и маг Альбано Гасанидзе из Парижа и Сицилии, господа!...»

Об этом я ни кому не рассказывал и постоянно делал сам себе проверки.

К моему тщеславному удовлетворению, особенность моя (даже сейчас язык не поворачивается назвать её «дар»!) работала даже тогда, когда я смотрел телевизор!

Я «предсказывал» смерть то одного, то другого артиста, и мама стала выказывать мне своё недовольство, поглядывая с опаской:

– Чего ты опять болтаешь всякую ерунду?!.. Алик!

– Да, вон, смотри, видишь у него какое-то лицо большое..., – отмазывался я, а потом «искал» по всем доступным каналам подтверждение своего прогноза.

Почти год я так «развлекался».

Даже фотографии «срабатывали»!..

И вот настал переломный момент, когда в автобусе я остановил свой проклятый взгляд на женщине с ребёнком:

— Пуся-пуся-пуся!..., — тихонько мурлычет маманька, носом зарываясь ребёнку ниже подбородка, щекочет, тормошит легонько, а беззубая малышка заливается кукольным смехом, глаз не сводя с мамули, — Куси-куси-ку-усеньки..., — щебечет красавица, и малявка тихо взвизгивает смехом, и автобус умиляется этой картиной, а я не могу оторвать взгляда от ребёнка...

Смеётся, заливается, медленно зеленея, становясь пунцово-серым...

...Я ещё долго смотрел вслед автобусу, потирая мурашки на руках через рукава.

А что ты хочешь?... Да запросто!... Никто не застрахован...

И вдруг ошпарило в голове, мелькнув улыбкой мамы... Отец обернулся, смеясь над моей двойкой... Сестра подняла глаза над книжкой, уроки учит...

Вдруг отчётливо мне по башке, словно десять подзатыльников. А что ты хочешь? А?... А если...

И совершенно подавленный и перепуганный, я бежал домой, боясь посмотреть в глаза прохожих.

Да на хрен мне это нужно?!..

Злой и напуганный, я ругался последними словами, злобно требуя у неизвестно кого немедленно убрать от меня эту гадость, испытывая уже к этому своему «дару» отвращение и ненависть.

Мысленно обращаясь наверх, я горячо и настойчиво повторял своё требование, налегая на «избавь меня».

Потрясённый неожиданным открытием, остановился.

Это я сейчас... молился?... Что ли?..

И стало страшновато.

Слушай, рассуждал я, стараясь не рассуждать матом, уверенный, что сейчас меня обязательно **он** слышит, – если это откуда-то пришло, то это можно куда-то и убрать, значит. И я очень хотел бы, чтобы этот... эта особенность от меня что бы... избавь меня от этого, прошу тебя, Господи. Избавь меня от этого, я очень прошу тебя!..

...Прошло очень много лет.

А я, помню, в то время ещё долго побаивался останавливать взгляд на людях.

И постепенно отвлёкся, и забыл совсем. И ни чего такого больше не вижу.

Такая вот история.

Снег

...В школе нам в головы вкладывался определённый набор знаний и сведений, мало-мальски обязательных для человека грамотного. Примерно так же, как потом оказалось и в армии. Прапорщик соберёт нас, бывало, в «Ленинской комнате», рассадит за парты, и, поочерёдно вызывая к огромной политической карте мира на стене, начинает «гонять», умудрённо улыбаясь:

– До-обре... До-обре... А Гондурас иде? Угу... А Никарагува?..

Видя, как солдат «полез» в восточное полушарие, прапорщик цветёт, с удовольствием расплываясь отеческой усмешкой:

– Ты де Никарагуу ищешь? В Африке?.. Гатауллин!.. Ты щё? Сказывся?..

И мы ржём, и крупный снежок за окошком сыплет ласково, и до моего дембеля ещё полтора года...

Вот так и в школе было примерно. Учительница географии в пятом классе упорно требовала от нас «вызубрить наизусть» пять-шесть географических названий, штук десять рек и морей, и этого было достаточно, чтобы быть отличником.

... – А теперь..., – она медленно прохаживалась вдоль окон, задумчиво любуясь всё тем же снегом, и мы видели,

что она устала, — Кто-о мне назовёт... — совершенно без интереса тянула она, — Какие вы знаете... Горные системы... — наугад задавала она вопрос, и несколько человек тянули руки. Обычно те, кому нужны были пятёрки. Все знали — если нужна пятёрка, дождись очередного вопроса, ответ на который ты знаешь, ибо училка поднимает только тех, кто тянет руку. Ибо ей по фигу. От неё муж ушёл. И я тоже поднял зачем-то руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.